

Жорес МЕДВЕДЕВ

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

ГЛАВА 3 ГЕНЕТИКА В СССР*

ВТОРАЯ ВОЛНА РЕПРЕССИЙ

Вторая волна репрессий среди учёных, начавшаяся в августе 1948 года, свидетелем которой я был в студенческие годы, имела менее чёткую связь с политическим террором. Она была одним из эпизодов начавшейся в 1946 году холодной войны, кампании против «буржуазных космополитов» и общего антиамериканизма. В 1948 году политический террор осуществлялся с советской помощью главным образом в восточноевропейских странах «народной демократии», переходивших на коммунистические диктатуры. Репрессии, начавшиеся в 1948 году по отношению к противникам Лысенко, осуществлялись в форме массовых увольнений, а не арестов. Кампания увольнений происходила очень быстро и оформлялась приказами министра высшего образования СССР С. В. Кафтanova, распространённых в форме списков-брошюр 23 и 24 августа 1948 года. В начале сентября массовые увольнения были произведены в АН СССР, ВАСХНИЛ, в академиях медицинских и педагогических наук и в издательствах. Было очевидно, что все эти списки готовились где-то заранее. Большинство уволенных в августе были в это время в отпусках и узнавали о своём смещении лишь в сентябре. Никаких законных оснований для таких увольнений не было. По скромным подсчётам, из учебных и научных институтов было уволено более трёх тысяч «антимичуринцев». Многие должности долгое время оставались незамещёнными. Аппарат государственной безопасности не вмешивался, так как он просто не был готов к быстрому созданию стольких новых дел. Аресты, однако, применялись по отношению к тем учёным, которые уже подвергались заключению и ссылкам в довоенный период. В это же время производились повторные аресты людей, осуждавшихся на 10 лет в 1936–1938 годах (тогда максимальный срок), выживших в лагерях и освобождавших-

ся «по истечении срока». Им предстояло выживать ещё много лет. В 1947-м максимальный срок был увеличен до 25 лет. Среди этого «контингента» был друг моего отца Иван Павлович Гаврилов. Он вышел на свободу лишь в 1956 году.

Описание событий периода 1948–1953 годов и хрущёвской «оттепели» было в моей рукописи основано на собственных наблюдениях, подкреплённых свидетельствами коллег и друзей. Наибольшую помощь мне оказали Владимир Павлович Эфроимсон и Александр Александрович Любищев, которые уже в течение нескольких лет были известны как авторы обширных трудов с критикой всех аспектов «мичуринской биологии». Любищев, энтомолог, заведовавший кафедрой зоологии в педагогическом институте в Ульяновске, был в 1961 году на пенсии и часто приезжал в Москву. Эфроимсон, автор книги по иммуногенетике, лишь в 1961-м в возрасте 53 лет получил научную должность в Московском институте вакцин и сывороток. Труды Любищева и Эфроимсона были намного обширнее и обстоятельнее той рукописи, над которой я в это время работал. Однако именно в результате обширности они были мало известны за пределами узкого круга коллег. Оба автора сосредотачивали главное внимание на научной критике теорий и практических рекомендаций Лысенко и его сторонников, а не на истории всего феномена псевдонауки.

В процессе работы я показывал предварительные версии рукописи профессору Н. А. Майсурияну, который как декан факультета принимал меня в ТСХА; Ф. Х. Бахтееву, сотруднику Вавилова и свидетелю его ареста в Западной Украине в 1940 году (именно рассказ Бахтеева воспроизводился в разделе об аресте Вавилова); П. М. Жуковскому и А. Р. Жебраку, квартиры которых были в том же доме, в котором жила и моя семья. Жуковский в это время уже не работал в ТСХА. В 1952 году он был неожиданно назначен директором Всесоюзного института растениеводства (ВИР) в Ленинграде. Он сохранял данное в 1948-м обещание перейти на «мичуринские» позиции и был вознаграждён повышением и возможностью

экспедиций в Южную Америку, откуда он привозил новые разновидности картофеля, кукурузы и других культур, для которых этот континент был родиной. Но со мной он был достаточно откровенен. Благодаря Жуковскому я смог две недели работать в архиве ВИРА, где сохранились стенограммы многих дискуссий вавиловского периода.

Детали о пребывании Вавилова в тюрьмах в Москве и в Саратове, следствии, приговоре и смерти от голода в январе 1943 года стали известны в основном в период пересмотра «Дела Вавилова» в 1955-м, начатого по инициативе жены и сына учёного. В то время, до XX съезда КПСС, пересмотр дел многих тысяч людей шёл медленно и включал снятие всех обвинений и вызовы в Прокуратуру СССР авторов доносов, участников «экспертиз» и допросы следователей. Впоследствии реабилитации осуществлялись быстро, по спискам и сопровождалась уничтожением архивных дел. Но это уже были сотни тысяч дел людей, которые всё ещё томились в лагерях и тюрьмах. Они реабилитировались «выездными комиссиями» в местах заключения и немедленно освобождались. Посмертные реабилитации растянулись на более длительный срок, здесь счёт шёл на миллионы. Младший сын Н. И. Вавилова Юрий собирал всю возможную информацию об отце. Он хотел найти в архивах КГБ множество неопубликованных рукописей, дневников о путешествиях, переписку с зарубежными коллегами, альбомы фотографий, конфискованные на квартире учёного после его ареста. Однако все эти бумаги были уничтожены.

В Ленинграде большую помощь в сборе материалов оказали профессор В. Я. Александров, цитолог, и В. С. Кирпичников, генетик.

РОЖДЕНИЕ НАУЧНОГО САМИЗДАТА

Работа над третьей версией рукописи была закончена в феврале 1962 года. Моя доверенная машинистка отпечатала четыре копии, а вскоре ещё четыре. Я отдавал их на отзыв и для критических замечаний в первую очередь тем,

*Продолжение, Начало см. Родина. 2011. № 1, 5–6, 11.

кто помогал мне в работе, Майсурияну, Бахтееву, Эфроимсону. Юрию Вавилову, В. М. Клечковскому и другим. Через месяц, сделав некоторые добавления, я передал рукопись в журналы «Нева», «Новый мир» и в газету «Комсомольская правда». В каждом из этих изданий мне вскоре были заказаны статьи или очерки. Рукопись не оставляла людей равнодушными. После XX и недавнего XXII съездов КПСС, открывших ранее неизвестные страницы сталинского террора, многим казалось, что истина уже торжествует. Но на съездах раскрывались преступления, являвшиеся частью политической борьбы за власть и происходившие в ясно обозначенный период 1936–1938 годов. О распространении террора в науку почти никто не знал и не говорил. Журнал «Нева» просил очерк «страниц на 50». «Комсомольская правда» определила очерк на 20–25 страниц, на две полосы. «Новый мир» выделил редактора, которому было поручено «сжать» материал до 100 страниц. Но ни в одной из этих редакций не планировали прямой публикации, это было невозможно по цензурным причинам. Рукопись, однако, обсуждалась редколлегиями и посылалась рецензентам. Первым принял решение ленинградский журнал «Нева». Сотрудники редакции безусловно взволновала судьба Вавилова и других ленинградских учёных. Большая часть фактов и событий, о которых я писал, не была известна. Я получил письмо главного редактора С. А. Воронова и члена редколлегии А. И. Хватова. Они попросили меня ограничить материал научной дискуссией и оценкой практических достижений. Кроме того, они просили подготовить очерк совместно с авторитетным ленинградским генетиком: региональные журналы создавались для публикаций преимущественно местных авторов. Выполнить эти просьбы было нетрудно. Моим соавтором стал Валентин Сергеевич Кирпичников, крупный генетик, работавший в прошлом и с Вавиловым, и с Кольцовым. Кирпичникову удалось избежать репрессий и увольнений, так как он был единственным в СССР специалистом по генетике рыб. Работая в Институте рыбного хозяйства в Ленинграде, Кирпичников вывел несколько перспективных пород карпов и изучал также генетику тихоокеанского лосося, работая на Камчатке. Мичуринцев для замены должностей Кирпичникова просто не было. Кирпичников подготовил и сдал в редакцию «Невы» совместный большой очерк «Перспективы советской генетики», который был опубликован, но только в марте 1963 года.

«Комсомольская правда», получив мой очерк, решила для гарантии собрать на него максимальное число отзывов от авторитетных учёных. Для этого они отпечатали основную рукопись в 25 экземплярах и вместе с намеченной для публикации статьёй развезли академиком, включая физиков, химиков и математиков. Из числа биологов, как мне стало вскоре известно, эти материалы получили академики Б. Л. Астауров и В. А. Энгельгардт. Получили рукопись несколько работников аппарата ЦК КПСС, имевшие репутацию либералов и попавшие в партийную элиту именно из «Комсомольской правды» или «Известий» (Лен Карпинский, Фёдор Бурлацкий и Александр Бовин). Их журналистский талант пригодился для написания речей и статей партийных лидеров. Никаких отзывов я не увидел, так как редактор «Комсомолки» был вскоре за такую вольность освобождён от должности.

Я также подготовил ещё четыре экземпляра с новыми добавлениями. Размер рукописи вырос до 210 страниц, отпечатанных на машинке через полтора интервала. Один из них я передал моим друзьям, Роману Хесину-Лурье, биохимику и генетику, работавшему в биологическом отделе Института атомной энергии, а другой — писателю Владимиру Дудинцеву, который в это время начал писать роман из жизни биологов-генетиков (этот роман, «Белые одежды», увидел свет лишь в 1987 году). Как стало вскоре очевидно, число находившихся в циркуляции экземпляров достигло «критической массы», и она стала размножаться по типу цепной реакции. Процесс шёл исключительно быстро. Уже в мае 1962 года я стал получать отклики, замечания и добавления из Ташкента, Новосибирска, Киева, Дубны, Свердловска, Риги и из других городов. Большая часть писем передавалась через знакомых, а не приходила по почте.

Рукопись стала хорошо известна и в ТСХА, здесь я получал поддержку и на своей кафедре и на других. Вся Тимирязевская академия боролась с 1961 года за своё существование, и большая часть учёных ТСХА была очень критически настроена не столько по отношению к Лысенко, сколько к Хрущёву. В 1961-м Хрущёв, постоянно занимавшийся разными реорганизациями в сельском хозяйстве, предложил в ЦК КПСС проект перевода всех сельскохозяйственных учебных заведений, институтов и техникумов из столиц и крупных городов в сельские районы. Для Тимирязевской академии выделили большую территорию в Курской области. Здесь предполагалось построить «кампус» по американскому об-

разцу. Однако финансирование проекта не осуществлялось: для этого в бюджете не было денег. Несмотря на это, личной директивой Хрущёва как Председателя Совета министров с осени 1961 года был запрещён приём студентов на первый курс на всех семи факультетах академии. В 1962-м академия продолжала существовать, но без студентов первого курса. Это приводило к сокращению персонала кафедр по тем дисциплинам (ботаники, зоологии, неорганической химии, физики и других), которые преподавались именно на первом курсе. Осенью 1962 года должен был исчезнуть, соответственно, и второй курс. Умирание академии было рассчитано на пять лет. Возникла совершенно нелепая ситуация. Академию вытесняли из пригорода Москвы, но никакой альтернативы, даже в форме проекта, не создавалось. В 1865 году, когда Петровская академия была открыта, от неё до Москвы нужно было ехать извозчиком почти десять вёрст. Вокруг «Петровки» были только поля, деревни и усадьбы. Территорию академии с её корпусами, общежитиями и опытными полями правительство предполагало отдать на расширение международного университета имени Патриса Лумумбы, созданного Хрущёвым для обучения студентов из Африки, Азии и Южной Америки. Учёные академии составляли коллективные протесты, направлявшиеся в ЦК КПСС, в правительство и в прессу.

Понятие «самиздат» как пародия на названия официальных издательств «Политиздат», «Госиздат» в 1962 году ещё не использовалось. Существовал старый термин — «хождение в списках», вошедший в употребление ещё во времена Грибоедова и Пушкина. Тогда и пьеса в стихах Грибоедова «Горе от ума» много лет распространялась только в списках. Наличие цензуры, введённой Екатериной II после книги Радищева, неизбежно порождало распространение тех или иных произведений в списках. До 1960 года эта форма свободного творчества была ограничена стихами и небольшими литературными произведениями. Публицистики, научных работ и исследований по истории в широкой циркуляции «в списках» не было. Возможности самиздата, конечно, быстро расширились после изобретения пишущей машинки. До 1953-го пишущие машинки в СССР относились к «средствам производства» и были запрещены для свободной продажи. Определить возможный тираж моей рукописи, ходившей по всей территории СССР, было очень трудно. Но к концу 1962 года это были тысячи экземпляров и каждый из них имел много читателей.

ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ В МОСКВЕ

В конце июля 1962 года мой шеф по кафедре профессор Клечковский был вызван на заседание парткома академии для обсуждения вопроса об «антипартийной, антинаучной, антисоветской и клеветнической» рукописи Ж. А. Медведева. Клечковский пытался как-то меня защищать, но получил за это строгий партийный выговор. Предложений об увольнении Медведева ещё не было, однако кто-то высказался о возможности перевода его с кафедры агрохимии в один из подмосковных учхозов, чтобы «сочинитель пасквилей познакомился с практической работой».

Клечковский был готов к сопротивлению, несмотря на партийные взыскания. В 1962 году профессору шёл 61-й год, но его имя не было широко известно за пределами ТСХА. Влиятельность Клечковского была очень высокой, но скрытой, так как определялась руководящей работой в секретной лаборатории биофизики ТСХА и в сверхсекретной программе экологической и сельскохозяйственной реабилитации огромной территории в 21 тысячу квадратных километров на Южном Урале, которая была загрязнена долгоживущими радиоактивными изотопами в результате взрыва хранилища ядерных отходов от производства плутония для атомных и водородных бомб, который произошёл в сентябре 1957 года. Клечковский входил в разные комиссии, в которых с ним советовались все известные атомные физики. Он мог посещать закрытые атомные городки, в каждом из которых существовал какой-то мониторинг радиоактивных загрязнений территории и сбросов радиоизотопов в природные и искусственные водоёмы. Заменить его на этих постах никто бы не смог. В некоторых районах, где работали Клечковский и его сотрудники, был очень высокий радиоактивный фон. Правильно следить за дозами облучения тогда ещё не умели. Все эти работы относились к высшей категории вредности. Клечковский получил два ордена Ленина и много других наград и премий, но и он, и его сотрудники заплатили за эти награды высокую цену своим здоровьем.

Я уже понимал, что моя рукопись, которая была прямо направлена против Лысенко, но косвенно и против политики и действий Хрущёва, могла осложнить успехи борьбы всей Тимирязевской академии за своё выживание. Нужно было покидать столь дорогую мне «Тимирязевку». Каких-либо предложений о научной работе из других мест не было, но возможных вакансий за пределами Мос-

квы было много. Именно в этот период производилась «разгрузка» Москвы от переполнявших её научных институтов и перенос их в другие области и регионы. Существовала общая политика на «децентрализацию» и науки, и экономики. Но перевод институтов в другие города проходил намного легче, чем переезд туда сотрудников, и это создавало за пределами Москвы много вакансий. В это время приобретала большую популярность именно молекулярная биология, изучение белков и нуклеиновых кислот.

Хрущёв проводил неверную и даже губительную политику в области сельского хозяйства и в агрономических науках. Он считал себя здесь самым крупным авторитетом. Лидер компартии, так уж сложилось в истории, должен был быть непререкаемым авторитетом в каких-то научных областях. Для Ленина это были стратегия революции, марксизм, философия и политэкономия, для Сталина — ленинизм, история ВКП(б), языкознание и слава «великого полководца». Для Хрущёва, не отличившегося ни в одной из этих областей, сферой применения для собственных идей стало сельское хозяйство. Он родился в селе Калиновка Курской губернии и в детстве был пастухом. Этим его непосредственный сельскохозяйственный опыт ограничивался. Но научные разработки в других сферах Хрущёв поддерживал. Он хорошо понимал, что именно успехи в науке, прежде всего в атомной физике, в авиации, в ракетостроении и в космосе, обеспечивали Советскому Союзу международный авторитет.

НОВОСИБИРСК, КИЕВ И ОБНИНСК

Уволившись из ТСХА «по собственному желанию», я послал запросы друзьям в нескольких новых научных центрах, которые формировались именно в 1962 году и в которых были вакансии для биохимиков. В первую тройку входили Новосибирский академгородок, лаборатория молекулярной биологии АН УССР в Киеве и Институт медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске Калужской области. В академгородке в Новосибирске со времени его основания в 1957 году существовал Институт генетики и цитологии, который возглавил профессор Н. П. Дубинин, уволенный в 1948-м из Института генетики в Москве. Дубинин выступал против Лысенко и вёл себя достаточно смело. В 1959 году по личному распоряжению Хрущёва Дубинин был уволен и в Новосибирске. Он теперь работал в отделе биологии Института атомной энергии

имени Курчатова в Москве. Создатель этого отдела легендарный академик И. В. Курчатов умер в феврале 1960 года в возрасте 57 лет. (Хотя непосредственной причиной смерти был инфаркт, было известно, что Курчатов страдал и от хронической лучевой болезни.) Институт в Новосибирске возглавил Д. К. Беляев, генетик, но специалист по сибирским соболям, которых разводили в питомниках. Замены ему в этой области не было, и он не боялся увольнения. Именно поэтому Беляев был готов взять и Жореса Медведева в формируемый отдел биохимии. Сибирский академгородок, куда я приехал не спеша поездом, произвёл на меня очень сильное впечатление перспективного научного центра. Живописное место на берегу огромного водохранилища было уже застроено корпусами научных институтов, их было около 20, и домами для сотрудников. Планировалось и создание филиала Новосибирского университета. Для профессоров и академиков строились отдельные коттеджи с садами. Однако здание биохимического отдела института генетики и цитологии ещё не было построено, и некоторые уже зачисленные сотрудники создавали временные лаборатории в квартирах вакантного жилого дома. Главная проблема состояла в том, что меня в системе Академии наук не могли зачислить сразу хотя бы «исполняющим обязанности» старшего научного сотрудника. Мне предлагалось подать на конкурс на замещение той или иной вакансии. Процедура была достаточно долгой и открытой для разных вмешательств. Я оставил эту возможность в резерве и поехал в Киев.

В Академии наук Украины создавалась лаборатория молекулярной биологии с перспективой на институт. Этот проект возглавлял Сергей Михайлович Гершензон, талантливый генетик, биохимик и зоолог, объектом исследований которого были насекомые. Он был первым в мире учёным, обнаружившим ещё в 1939 году мутагенное действие экзогенной ДНК (под действием ДНК из тимуса происходили мутации у дрозофил), что логически вело к признанию приоритета именно ДНК в явлениях наследственности. Однако это исследование, опубликованное на русском и украинском языках, прошло незамеченным в западных странах, уже объятых пожаром мировой войны. В 1935–1937 годах Гершензон работал в Москве в Институте генетики, который тогда возглавлял Н. И. Вавилов. В августе 1948-го Гершензон был уволен с заведования кафедрой генетики Киевского

университета. Гершензон обещал мне быстрое утверждение в должности президиумом академии без всякого конкурса. Однако жилищные проблемы нужно было решать самому. Ожидание квартиры могло растянуться на много лет и пока пришлось бы снимать комнату.

В Обнинске меня ждали хорошие новости. Институт медицинской радиологии (ИМР), основанный в 1958 году и входивший в состав Академии медицинских наук (АМН), планировался как крупнейший научный институт этого профиля в Европе. Здесь должны были работать в клиническом и экспериментальном секторах около 2000 человек. Клинический центр уже функционировал по радиационному лечению больных раком и по ранней диагностике рака с применением радиоизотопов. Экспериментальный сектор только строился в ближайшем лесу, в четырёх километрах от города, и формировался. Лабораторный корпус уже был построен, но не оборудован. Корпус, специально предназначенный для работы с радиоактивными изотопами, и виварий ещё только строились. В структуре института предусматривался большой отдел радиационной генетики и радиобиологии, в состав которого входила лаборатория молекулярной биологии, которую мне и предлагали создавать. Не было проблем и с жильём: очередной, принадлежавший институту, четырёхэтажный добротный построенный кирпичный дом сдавался в эксплуатацию через месяц. Мне в нём обещали трёхкомнатную квартиру.

Во главе всего проекта стоял профессор Георгий Артемьевич Зедгенидзе, член АМН СССР и генерал-полковник медицинской службы. Он родился и получил медицинское образование в Тбилиси. Мы были земляками: это очень важно для грузин. Во время войны и до 1958 года Зедгенидзе был начальником кафедр рентгенологии Военно-морской медицинской академии и Военно-медицинской академии в Ленинграде и имел особую должность главного (флагманского) рентгенолога ВМФ СССР. Как генерал Зедгенидзе привык решать проблемы быстро и самостоятельно. На должности заведующего лабораторией радиобиологии уже работал в институте мой знакомый Владимир Иванович Корогодин, кандидат биологических наук. Он был моложе меня на пять или шесть лет. Генетике он учился у Тимофеева-Ресовского в Летней школе, на берегу озера Миассово. Рекомендации Корогодина для Зедгенидзе было достаточно.

На должность руководителя всего отдела, состоявшего из четырёх лабораторий, Зедгенидзе уже пригласил Ти-

мофеева-Ресовского, несмотря на его проблемы как бывшего заключённого, не получившего реабилитации. Тимофеев-Ресовский был всемирно известным генетиком и радиобиологом, и Зедгенидзе хорошо понимал, что его переезд в Обнинск сразу придаст институту международную репутацию. Моё зачисление на должность старшего научного сотрудника не требовало избрания по конкурсу. По правилам конкурс был бы нужен. Но у ИМР ещё не было дееспособного учёного совета, который бы мог решать такие проблемы тайным голосованием. Назначения научных сотрудников проводились приказами директора. Но назначения заведующих лабораториями и отделами дополнительно утверждались президиумом АМН СССР. Именно это задерживало переезд в Обнинск Тимофеева-Ресовского. Но у меня не было таких проблем. В конце сентября 1962 года мне под будущую лабораторию выделили восемь пока ещё пустых комнат в лабораторном корпусе. Ещё через неделю я получил ключи и от квартиры в доме № 13 на улице Красных Зорь.

Обнинск был небольшим городом, около 30 тысяч жителей. В недавнем прошлом это был сначала лагерь заключённых и немецких военнопленных, а затем «закрытый» город, начало которому было положено строительством в 1954 году первой в мире атомной электростанции на 5 тысяч киловатт. В Обнинске с 1955-го расположился закрытый физико-энергетический институт, который специализировался на создании небольших атомных реакторов для подводных лодок и атомных ледоколов. Здесь в 1962 году функционировал также физико-химический институт, в котором велись работы по технологиям переработки отработанного топлива атомных реакторов и выделению плутония для атомных бомб.

Под кодовым названием «институт экспериментальной метеорологии» в Обнинске был центр не только для изучения атмосферы, но и для мониторинга радиоактивных изотопов в атмосфере, которые выбрасывались при испытательных взрывах атомных бомб в разных странах. При взрыве атомной бомбы на испытательном полигоне радиоактивное облако распространяется по всей земной атмосфере. По изотопному составу проб из воздуха можно определить тип бомбы (урановая или плутониевая, атомная или водородная) и её примерную мощность. Дополнительные анализы дают представление о локализации и дате взрывов. Институт метеорологии имел для этих целей знаменитую Обнин-

скую вышку (мачту), серебристую стальную трубу, диаметром в 2,3 и высотой в 310 метров, которую удерживали четыре яруса оттяжек. Через каждые 25 метров на вышке были расположены площадки метеорологического и радиологического мониторинга проб воздуха. Микроскопические аэрозольные радиоактивные частицы оседали на липкой поверхности особых фотоплёнок и фильтров и подвергались тщательному исследованию. Внутри стальной трубы работал лифт, доставлявший исследователей на разные площадки. Благодаря этой вышке можно было обнаруживать и аварийные выбросы из реакторов на территории самого Обнинска и из реакторов атомных электростанций в европейской части СССР. Ночью башня хорошо освещалась и была видна за десятки километров от города. В Обнинске в 1962 году, кроме небольшой атомной электростанции, ток от которой шёл в городскую сеть, функционировали 20 экспериментальных ядерных реакторов разного типа.

Переезд в Обнинск прошёл без проблем. Переход в систему Министерства здравоохранения имел для меня ещё одно достоинство. Я мог теперь отдать рукопись книги по биосинтезу белков — это был уже пятый вариант — в государственное издательство медицинской литературы, или Медгиз. Я вскоре сдал её в редакцию теоретической литературы Медгиза вместе с отзывом профессора В. Н. Никитина для «Высшей школы». В медицинских науках от теорий Лысенко уже отказались, но возрождение медицинской генетики было затруднено из-за отсутствия квалифицированных кадров. Никто в медицинских институтах не умел проводить даже диагностику распространённых хромосомных болезней типа синдрома Дауна (монголизм) и других наследственных патологий. Это требовало построения карт 46 человеческих хромосом в делящихся клетках — ювелирная работа даже для опытного цитолога-генетика. Рукопись моей книги была сразу принята и направлена на второй отзыв директору Института медицинской химии и вице-президенту АМН СССР В. Н. Ореховичу. Его положительный отзыв поступил в редакцию очень быстро, и в ноябре издательство заключило договор с автором. Книга была включена в план изданий на 1963 год. Однако это было лишь затишьем перед бурей. Циркуляция моей самиздатной книги продолжалась с ускорением, и это не могло обойтись без последствий. Постоянно росло не только число моих скрытых друзей, но и более явных недоброжелателей.

Продолжение следует